

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ: ПРИМЕР АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Марина Викторовна Ненашева (m.nenasheva@narfu.ru)

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Архангельск, Россия

Цитирование: Ненашева М.В. (2023) Социокультурный потенциал сельских районов Европейского Севера России: пример Архангельской области. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(4): 107–135.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.4.4>. EDN: MQTMZF

Аннотация. Рассматривается роль социокультурного потенциала в развитии сельских районов Европейского Севера России. Социокультурный потенциал определяется как способность представителей сельских локальных сообществ воспроизводить культурный капитал и использовать его в качестве ресурса для развития территорий. Исследование основывается на результатах полевых работ, которые проводились в 2021 и 2022 гг. в муниципальных образованиях Приморского района Архангельской области, расположенных в дельте р. Северная Двина и на побережье Белого моря. В работе применялся социально-антропологический подход, благодаря которому была получена описательная и качественная информация о локальной экономике, социальной структуре рассматриваемых территорий, повседневных практиках жизнедеятельности местного населения. Основу исследовательской методики составили неформализованные глубинные интервью с сельскими жителями, а также включенное наблюдение за жизнедеятельностью местного населения. В результате исследования выявлены негативные тенденции социально-экономического развития островных и прибрежных поселений Приморского района Архангельской области. К ним относятся хозяйственное и социальное сжатие, опустошение и усиление периферийности территорий. Основными источниками жизнеобеспечения местного населения являются приусадебное хозяйство и рыбный промысел. На фоне социально-экономического кризиса с 2010-х годов возникают и другие явления: в среде местных жителей формируются группы людей, которые, опираясь на историю и культуру деревень, собственные знания и опыт, иницируют и развивают самобытные музеи, дома культуры, художественную самодеятельность, способствуя развитию в деревнях культурно-ориентированного туризма. Сделан вывод о том, что социокультурный потенциал исследуемых сообществ представляет собой единство индивидуальных, социальных, культурных ресурсов местных сообществ, которые сегодня являются основным фактором саморазвития сельских территорий.

Ключевые слова: сельские территории, экономика, население, потенциал, культура, Европейский Север.

Введение

Устойчивое социально-экономическое развитие сельских территорий является одной из стратегических задач Российского государства (Стратегия 2015). В советские годы экономика села базировалась на деятельности крупных аграрных предприятий. С переходом к рыночным отношениям предприятия либо банкротились, либо уменьшали масштабы своей деятельности. Это вело к сокращению рабочих мест, депопуляции, социальному и хозяйственному сжатию и усилению периферийности сельских районов (Грицай 1991; Покровский 2008; Каганский 2012; Мкртчян 2019; Нефедова 2019; Нефедова, Медведев 2020). Особенно сильно указанные негативные тенденции отразились на сельских территориях Севера России (Плюснин 2003; Алексеев, Сафонов 2015; Денисенко, Николаева 2015; Дрегалю 2017; Скуфьина, Серова 2017; Дружинин и др. 2022).

С начала 2000-х годов российские ученые обсуждают новые подходы к решению социально-экономических проблем российского села. Среди отечественных аграрных социологов наибольший вклад в изучение современных крестьян, сельхозпроизводителей, сельской общности и культуры внес Теодор Шанин, а также его последователи (Шанин 2002). Не менее значимы результаты «Угорского проекта», благодаря которому географы, демографы, экономисты, социологи, культурологи изучили современное состояние и перспективы развития сельских территорий ближнего Севера в эпоху глобальных перемен (Покровский, Нефедова 2013; Ильин, Покровский 2016; Нефедова, Старикова 2021). Вопросами социально-экономического развития Европейского Севера России (Архангельская, Мурманская область, Республика Карелия) занимаются М.Ю. Плюснин (Плюснин 2003; Плюснин 2022), а также ученые Карельского научного центра РАН (Курило и др. 2020; Дружинин и др. 2022).

В обсуждениях способов решения социально-экономических проблем и дальнейших направлений развития российского села высказываются различные мнения от экологизации и создания особо охраняемых природных территорий (Родоман 2006) до диверсификации экономики и интеграции различных видов деятельности (Ускова, Патракова 2021). Ученые признают, что возврат к экономике села, основанной исключительно на аграрном производстве, вряд ли произойдет, поэтому для возрождения сельских территорий предлагается перейти к многофункциональному хозяйству и несельскохозяйственным видам деятельности (Покровский 2008; Костяев 2018). В частности, Т.Г. Нефедова предлагает развивать мелкие хозяйства, дачную экономику, туризм, а также оказывать принудительную социальную поддержку сельским жителям. Автор считает, что

выбор той или иной модели либо их сочетание зависит от местного контекста, исторических, демографических, социально-экономических особенностей сельской территории (Покровский, Нефедова 2015). С позиции эндогенного подхода обсуждаются модели развития сельских территорий на основе воспроизводства местных ресурсов (Фаузер 2008; Пилясов 2009; Калугина, Фадеев 2010; Алексеев 2014; Костяев 2018). Важная роль в этом процессе отводится социокультурному капиталу сельских территорий, исследованию которого, по мнению некоторых ученых, не уделяется достаточного внимания (Горшков, Комиссаров 2019; Маркин, Силин, Малинина 2021).

Опираясь на концепцию Р. Патнэма (Putnam 2000), социальный капитал сельских территорий может быть рассмотрен как совокупность социальных отношений между людьми, проживающими в одной местности и объединенных родственными и социальными связями, а также общностью интересов и потребностей (Нечипоренко, Шлюкич 2014; Давыдов 2015; Блок, Головин 2016). В свою очередь, культурный капитал включает знания, традиции, обычаи, практики местного населения, имеющие отношение к истории, культуре, практической и духовной жизни села, а также материальные объекты, расположенные на сельской территории и имеющие культурную ценность (Бурдые 2002; Бурдые 2007). Социальный и культурный капитал взаимосвязаны. Основу этой взаимосвязи составляют социальные сети, активность, креативность и совместные действия сельских жителей по воспроизводству культурного капитала. Как отмечает Т.Г. Нефедова, люди являются ценнейшим социальным и культурным ресурсом и движущей силой устойчивого социально-экономического развития села (Покровский, Нефедова 2015). Находясь в условиях неопределенности, они вынуждены действовать, становясь непосредственными участниками изменений в своем сообществе (Тросби 2013). Эта взаимосвязь между социальными действиями, культурным капиталом и пространственным развитием в свое время становилась объектом внимания П.А. Сорокина (Сорокин 1992), а затем и современных ученых (Москвичев 2012; Нечипоренко, Шлюкич 2014; Ушаков, Костюк 2014).

Отметим, что в России практика модернизации сельских территорий через социокультурные проекты практически не изучена, хотя в разрабатываемых теоретических исследованиях подчеркивается важное значение неэкономических видов капитала для социально-экономического развития села (Найденова, Федотов 2009; Лапин 2011). Единичные примеры показывают, что социокультурные проекты сельского населения могут быть использованы в качестве ресурса для поддержания жизни общества в условиях экономической трансформации и уязвимости (Попкова 2019).

Принимая во внимание результаты научных исследований, а также стратегические задачи Российского государства, данная работа направлена на то, чтобы внести дополнительный вклад в исследование и обоснование роли социокультурного потенциала в модернизации периферийных сельских территорий Европейского Севера России. Конкретные задачи исследования включают: а) описание социально-экономической жизни сельского населения; б) анализ способов жизнеобеспечения местных сообществ к новым экономическим условиям; в) характеристику социокультурного потенциала местных жителей и оценку его значения для развития деревень.

Материалы и методы исследования

Исследование социокультурного потенциала периферийных сельских территорий Европейского Севера России проводилось на примере населенных пунктов Приморского района Архангельской области. Всего полевыми исследованиями было охвачено 14 сельских поселений, входящих в состав муниципальных образований «Островное», «Пертоминское» и «Талажское».

Муниципальное образование «Островное» расположено в дельте р. Северная Двина. В июне 2021 и 2022 гг. здесь были обследованы деревни Пустошь, Одиночка, Выселки, Ластола, Конецдворье, Андрианово и село Вознесенье (рис. 1). Выбранные населенные пункты являются самыми крупными по численности постоянно проживающего в них населения. Продолжительность работы на островных территориях составляла один день, а сами поездки были «привязаны» к расписанию рейсов речного транспорта.

Экспедиции в МО «Пертоминское» и «Талажское» были совершены в июле 2021 г. и в августе 2022 г. и продолжались 10 и 7 дней соответственно. На Летнем берегу Белого моря были обследованы деревни Пушлахта, Летняя Золотица, Летний Наволок, Лопшеньга, Яреньга и поселок Пертоминск, а на Зимнем берегу — Патракеевский куст, который объединяет деревни Куя, Козлы и Кадь (рис. 2).

Во время полевых исследований использовался социально-антропологический подход, благодаря которому получена описательная и качественная информация о локальной экономике, социальной структуре рассматриваемых территорий, повседневных практиках жизнедеятельности местного населения. Основу исследовательской методики составили неформализованные глубинные интервью с сельскими жителями, а также включенное наблюдение за жизнедеятельностью местного населения. При выборе методики мы опирались на методологический подход рос-

Рис. 1. Муниципальное образование «Островное»

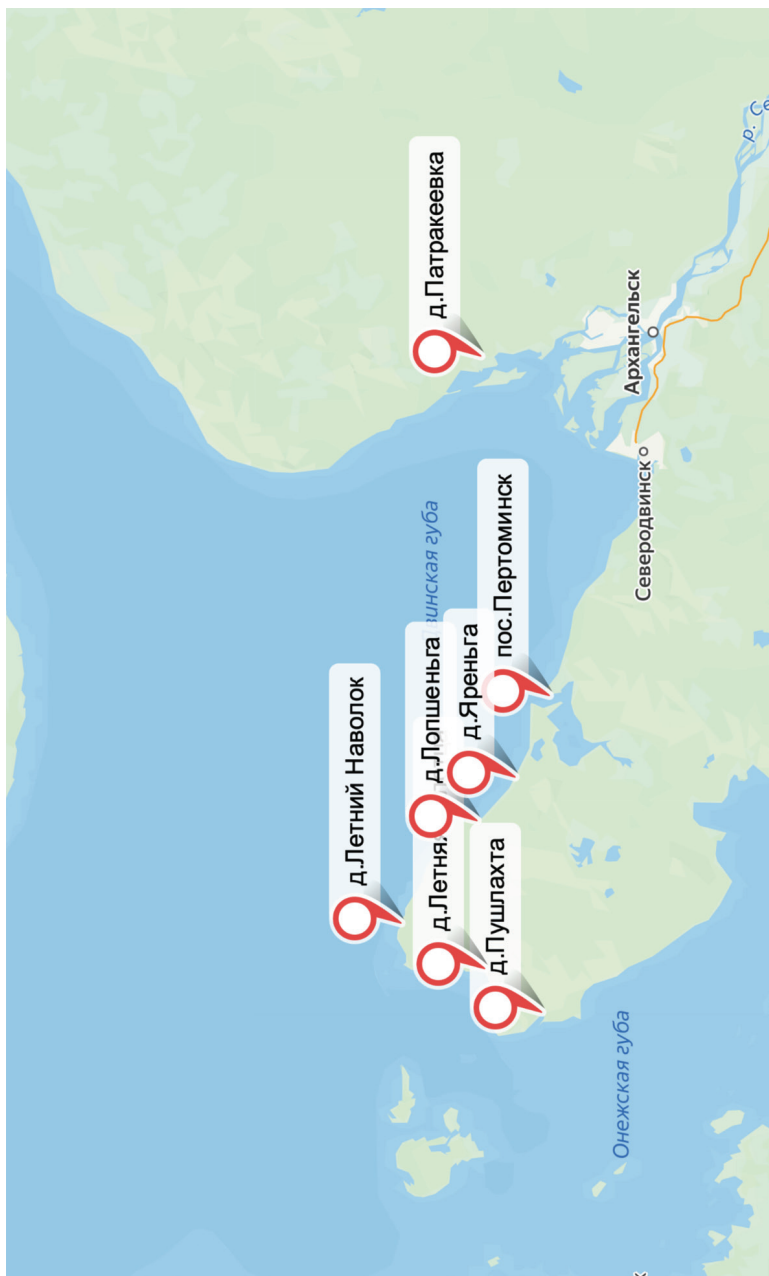

Рис. 2. Муниципальное образование «Пертоминское» и «Талажское»

сийских ученых С.Г. Кордонского, Ю.М. Плюснина, согласно которым глубинное описание местной жизни имеет большое значение для последующего теоретического обоснования различных решений в области развития и управления территориями (Кордонский и др. 2011).

Этап полевой работы предваряли интервью с экспертами — главами Приморского района и выбранных муниципальных образований. Для интервью был разработан специальный гайд, который включал блоки вопросов о демографической ситуации и социально-экономическом развитии Приморского района. Учитывая то, что три из четырех экспертов — жители выбранных муниципальных образований, беседы с ними позволили не только получить необходимую статистическую информацию, которая отсутствует в официальных источниках, но и контакты наиболее активных местных жителей — руководителей ТОСов, сельских домов культуры, музеев, школ, фельдшерско-акушерских пунктов. Во время экспедиций эти люди знакомили нас с другими местными жителями — рыбаками, фермерами, продавцами магазинов, сотрудниками почтовых отделений. В результате мы провели четыре интервью с экспертами и 34 — с сельскими жителями в возрасте от 25 до 82 лет (табл. 1).

Структура гайда для глубинных интервью включала следующие блоки вопросов: биография респондентов (длительность проживания в населенном пункте, образование, трудовая деятельность); образ жизни (экономические и неэкономические виды деятельности, досуг); хозяйственно-бытовые изменения деревни (жизнь села в советский и постсоветский период); маркеры локальной (поморской) идентичности; участие респондентов в социально-культурной жизни села; система локальных связей и взаимодействия. Интервью проводилось в форме непринужденной беседы (заранее вопросник респонденту не предъявлялся), как правило на территории домов культуры, музеев, школ, церквей, возле или внутри дома респондента. Конечно, не всегда удавалось обсудить все темы с каждым респондентом. Во многом это обусловлено трудовой специализацией респондентов. Например, с местными рыбаками мы больше говорили о деятельности рыболовческих колхозов и индивидуальных хозяйственных практиках, связанных с рыболовством; с учителями и руководителями ТОСов, которые по совместительству нередко являлись сотрудниками домов культуры, — о социальной и культурной жизни деревень; с руководителями музеев — об истории их создания. Как правило, глубинные интервью длились от 40 минут до двух часов. Все они были записаны на диктофон, а затем расшифрованы.

Во время непосредственных наблюдений за жизнью людей на улице, на берегу моря мы невольно становились участниками различных куль-

Таблица 1

Информация о проведенных интервью

Муниципальное образование	Населенный пункт	Численность населения	Количество интервью, всего	Количество информантов, по полу (М/Ж)
«Островное»	д. Пустошь, д. Одиночка, д. Выселки	276	3, включая 1 парное	Ж — 3 М — 1
	д. Ластола, д. Конецдворье	463	3, включая 1 парное	Ж — 4
	с. Вознесенье, д. Андрианово	412	3	Ж — 2 М — 1
«Талажское»	д. Патракеевка	82	7, включая 1 парное	Ж — 6 М — 2
«Пертоминское»	д. Летняя Золотица	102	4	Ж — 3 М — 1
	д. Пушлахта	31	2	Ж — 1 М — 1
	д. Летний Наволок	5	1	М — 1
	д. Лопшеньга	187	4	Ж — 3 М — 1
	д. Яреньга	74	7, включая 1 парное	Ж — 6 М — 2
	пос. Пертоминск	245	4	Ж — 3 М — 1

турных и общественных мероприятий: праздновали с местными жителями День рыбака, ходили по домам с фольклорным ансамблем, помогали в работе по восстановлению храмов. Во время этих мероприятий мы пытались завязывать ситуативные беседы с простыми обывателями, однако они не были включены в итоговую выборку, поскольку зачастую были короткими по времени (от 10 до 20 минут) и не позволили получить ответы на основные вопросы, однако подтверждали многие данные о жизни деревень, полученные в ходе глубинных интервью.

Социально-экономическое состояние сельских территорий

Заселение территорий дельты Северной Двины и Онежского полуострова началось в XII в. в результате новгородской колонизации. Вплоть до XVII в. здесь происходило формирование постоянных жителей —

поморов, традиционными занятиями которых были судоходство, рыболовство, охота на морского зверя, солеварение (Бернштам 1978).

В советское время жизнеспособность сельских территорий поддерживалась государством, которое проводило на Севере особую социально-экономическую политику, что делало этот край привлекательным для работы и жизни. По словам одного из экспертов, «раньше северные территории заселялись принудительно, так как существовали государственные планы по их развитию. Люди приезжали на заработки, здесь же и оставались» (м., около 45 лет, г. Архангельск).

Основу локальных экономик территорий дельты Северной Двины и Онежского полуострова в советские годы составляло сельское хозяйство, лесозаготовки и рыбный промысел. Вот как вспоминает это время семейная пара пенсионеров из д. Пустошь: «Раньше у нас здесь хорошо было. Отправляли в Архангельск и Нарьян-Мар грузы сельского хозяйства: и капусту, и картофель» (м., около 65 лет и ж., около 60 лет, д. Пустошь). Похожую картину описывает жительница д. Ластола: «Самый расцвет был, когда восемь колхозов объединились в один — это был совхоз-миллионник, где было более двух тысяч крупного рогатого скота, не считая молодняков» (ж., 45 лет, д. Ластола). Наряду с аграрным производством развивалась социальная инфраструктура. Практически в каждой деревне имелись детские сады, школы, поликлиники, предприятия жилищно-коммунального хозяйства: «Вот пришла я в библиотеку в [19]76 г., работало буквально все. Была швейная мастерская, обувь чинили. Часы ремонтировали, книжный магазин, КБО было. Совхоз работал, школа, магазин, почта, библиотека, клуб, детский сад отдельно. И гараж работал, мастерские были, ну все работало» (ж., около 55 лет, д. Пустошь).

В 1990-е годы с переходом к рыночной экономике и одновременным снижением государственной поддержки сельского хозяйства, предприятия либо банкротились, либо сокращали масштабы деятельности:

В 1975 г. был пик развития сельского хозяйства. И я всю жизнь был связан с сельским хозяйством. Жили мы при плановой экономике, и все хозяйства зависели от государства. А потом почти все разорились, даже хорошо жившие хозяйства. Я в хозяйстве 27 годов. Все построил: хранилище построил, ферму построил. Все с нуля. В 1990-е гг. на районе было 22 фермера, а теперь я остался один (м., около 70 лет, д. Андрианово).

Упадок сельского хозяйства привел к сокращению рабочих мест и оттоку квалифицированных кадров и сельской молодежи: «Здесь нет про-

изводства, а если производство и наладишь, то нет людей, молодежь уехала, а старые доживают» (м., около 70 лет, д. Андрианово). «Вот я раньше отчеты писала, 700 с чем-то человек [здесь жило], потом 600 с чем-то человек. Сейчас [осталось] 300 с чем-то человек» (ж., около 55 лет, д. Пустошь). Из когда-то процветающих рыболовецких колхозов в настоящее время осталось два. Поскольку часть прибрежных деревень примыкает к территориям национального парка «Онежское Поморье», в Летней Золотице и Лопшеньге есть его представительства, где работают инспекторы и специалисты по эко-просвещению: «В национальном парке, помимо, ну, наверное, шесть человек работает» (ж, около 45 лет, д. Летняя Золотица).

Сегодня традиционным занятием мужской части населения является рыбная ловля. Население занимается выловом рыбы как для собственных нужд, так и в качестве членов рыболовецких колхозов — на своих тонях (персональных рыболовных участках) в пределах квоты. Часть рыбы продают туристам:

Зимой рыбу сдают, когда у нас в январе после праздников идет навага. Ее тут очень много ловят, загружают в снегоход, туда вот у меня муж возит, ну сколько влезает, наверное, 300 кг, загружает в мешках, везут до Луды [название деревни], там приезжает машина, покупатель, кто ее покупает. В этом году рыбалка была, у меня муж 2 тонны сдал рыбы... Летом у нас в основном продажа рыбы идет тем, кто приезжает сюда на отдых. В том году горбушу продавали в основном тем, кто приезжал. Люди приезжают, отдыхают, потом, когда уезжают, соответственно, надо что-то с собой забрать, закупают и увозят (ж., 39 лет, п. Пертоминск).

Некоторые предприимчивые жители д. Пушлахта занимаются заготовкой дров для нужд Соловецкого архипелага, в д. Летняя Золотица есть частное семейное предприятие по добыче водорослей для Архангельского водорослевого комбината, а в д. Яреньга местные жители на своих катерах организуют транспортировку туристов по заказу Кенозерского национального парка. Жители прибрежных деревень рассказали, что они сами пекут хлеб и пироги, собирают ягоды и варят варенье на зиму, а также выращивают овощи, преимущественно картофель, морковь и свеклу, поддерживая тем самым собственную продовольственную безопасность. В наиболее крупных населенных пунктах есть школа, Дом культуры, отделение почтовой связи, фельдшерский пункт, административные учреждения, которые являются основными работодателями:

Работоспособного населения мало в силу отсутствия мест. У нас ведь только школа, рыболовецкий колхоз, два магазина, на телефоне два человека-связиста работают, на почте — один, в клубе — один (ж., 47 лет, д. Патракеевка).

Из-за отсутствия в деревнях социально значимой инфраструктуры, возможности пользоваться медицинскими и прочими бытовыми услугами у местного населения увеличилась потребность в регулярных поездках в муниципальные образования и город, что привело к формированию «дуального» образа жизни (Ильин 2019). В период навигации с начала мая по конец октября перевозки жителей островных и прибрежных территорий осуществляются водным транспортом:

Пароход ходит раз в две недели. Ну, там в основном ездят пушлаходы [жители д. Пушлахта], потому что транспортная доступность только паромом. Ну, по земле можно, но там дороги практически нет. Вот на таких каракатах, на которых мы сегодня ехали, можно проехать (ж., 57 лет, д. Пушлахта).

Для организации собственной транспортной мобильности местные жители используют маломерный флот: «Кто помоложе, кто пошустрее — уже давно завели свои катера, потому что два часа на теплоходе, а на катере — восемь минут до Цыгломени» (ж., около 70 лет, д. Ластола). В зимнее время транспортное сообщение организуется по зимникам и ледовым переправам:

«Без зимника нам никуда. Потому что зимника нету — значит, дороги нет» (ж., около 60 лет, д. Патракеевка).

По зимнику на снегоходах возят у нас. Вот, утром рано уедут и к вечеру приезжают. Еще дорога накатана — они могут уже быстрее приехать... ну, в остальном у нас, в Архангельск, ездят на снегоходах зимой. Если у кого есть снегоходы — они на снегоходах (ж., около 65 лет, д. Летняя Золотица).

Зимой [ездим] на буранах, а летом на «Дауриш», на ней ламинарию возят. К другим деревням зимой [ездим] на снегоходах, а летом — на лодках (м., 67 лет, д. Пушлахта).

Пространственная изолированность сообществ (Плюснин 2022), обусловленная географической удаленностью рассматриваемых территорий

и их ограниченной транспортной доступностью, усугубляется отсутствием современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры. В настоящее время стабильная сотовая связь присутствует только в деревнях дельты Северной Двины. На побережье Онежского полуострова, за исключением д. Пушлахта и Летний Наволок, присутствует слабое покрытие сотовой связью. Причинами неразвитости информационно-телекоммуникационной инфраструктуры исследователи называют суровые климатические условия, территориальную удаленность от областных центров, ограниченную транспортную доступность, а также низкую численность населения и, следовательно, низкое число потенциальных потребителей услуг связи, что делает нерентабельным развертывание сетей связи в отдаленных северных деревнях (Шемякин, Датьев 2014).

Руководители муниципальных образований почти единодушны в своих прогнозах по поводу развития территорий. Реальными представляются два сценария: либо окончательное вымирание малонаселенных деревень, либо их превращение в летние дачные поселки при условии сохранения на текущем уровне снабжения их продовольствием и товарами первой необходимости, а также приемлемости транспортных издержек для «дачников»:

Честно говоря, вот какой-то перспективы роста, за счет чего-то население будет прибывать, честно говоря, я не вижу пока. Потихонечку все уйдет в так называемые дачные деревни. Летом народ будет шевелиться, жить как-то, работать, а зимой тут будут проблемы, конечно (м., около 55 лет, с. Вознесенье).

Социокультурный потенциал сельских территорий

Несмотря на экономический кризис и отсутствие социальной инфраструктуры, большинство опрошенных сельских жителей, в том числе молодые люди, не желают покидать свои деревни. Среди основных причин названы привязанность к родной деревне, любовь к природе, отсутствие городской суеты, безопасность:

Я не знаю... вот эта скромная красота природы. Она скупая эта красота, и мы это особенно ценим, потому что мы щедрые проявления природы ценим по-особенному (ж., около 55 лет, д. Пустошь).

Мы тут живем природой. Самое главное — это свой дом, здесь родились и выросли, здесь Родина. Я здесь уже «приросла», детей воспитывать проще, здесь спокойнее и люди тут добрее. Жизнь тут

более размеренная, никуда не нужно торопиться (ж., около 35 лет, д. Летняя Золотица).

Важным поддерживающим фактором жизнеспособности рассматриваемых сельских сообществ является территориальная идентичность (Михайлов, Рунге 2012). Согласно Всероссийской переписи населения 2020 г., сегодня в Архангельской области живет основная часть поморов — 1297 человек, из них 177 человек — в Приморском районе (Итоги Всероссийской переписи населения 2020). Постоянные жители дельты Северной Двины и Онежского побережья считают себя поморами, объясняя это социальной общностью, возникшей в результате длительного проживания рядом с северным морем и реками («Мы здесь все поморы, так как у моря живем»), общностью традиционных видов хозяйственной деятельности (рыболовство и судоходство), самосознания и самоназвания «поморы».

Несмотря на кажущуюся на первый взгляд суровость и нелюдимость, для жителей поморских деревень характерно наличие между ними крепких социальных связей и общинность существования (Теннис 2002) с целью решения проблем и преодоления трудностей. Со-бытие (по М. Хайдеггеру) деревенских жителей основано на доверии и взаимопомощи: до сих пор в местных магазинах можно взять продукты в долг, а соседа или знакомого попросить довести до другого населенного пункта или города:

Тут народ проще, чем в городе, всегда помогаем друг другу, сплоченные (м., около 70 лет, д. Лопшеньга).

Я вот ездила в Красноборский район в том году, остались знакомства, заранее позвоню и спрошу, остались ли автобусы, на чем ехать. Знакомый приехал, меня встретил, а мост разбирается, и уже звоню, узнаю, у кого лодочка есть (ж., около 60 лет, д. Патракеевка).

Социальная сплоченность проявляется в совместном обеспечении продовольственной, промышленной и энергетической безопасности сельских поселений, которая в советское время поддерживалась через государственную систему северного завоза. С переходом к рыночной экономике централизованная плановая система снабжения северных территорий была постепенно свернута, что отразилось на снижении общего объема товаров, доставляемых в отдаленные северные населенные пункты. Сегодня местные жители островных и прибрежных поселений самостоя-

тельно обеспечивают доставку необходимых товаров, включая продукты питания, медикаменты и энергоносители. В деревнях нет торговых предприятий, способных выполнять функции регионального торгового оператора, поэтому их выполняют частные предприниматели из числа местных жителей. Они занимаются доставкой необходимых товаров, формируют заказы исходя из предпочтений самих жителей:

Зимой сельские жители в основном заказывают консервы, замороженные продукты и соки. Летом в магазине продается свежее выловленная и слабосоленая рыба, ягоды и грибы, которые местные жители выставляют на продажу. Мы в обязательном порядке привозим муку в больших количествах, чтобы жители деревни могли печь свежий хлеб. Выручка копеечная, но хлопот и расходов много (ж., 47 лет, д. Летняя Золотица).

Важную роль в реализации отдельных коллективных мероприятий, например ремонт причалов, мостов, помощь в реставрации церкви, сбор мусора на побережье, благоустройство территории, обустройство детских площадок, играют местные ТОСы, в основном из числа школьных учителей, работников культуры, активных пенсионеров:

Все ТОСы у нас практически в одно время зарождались. У нас есть ТОС еще в Лопшеньге, есть в Яреньге, в Летней Золотице и в Пушлахте, в Уне еще есть ТОС. В Уне они очень интересно делают, у них уже третий год ТОСы, они укрепляют мостовые переходы. Им тоже привозят лес с Онеги, и они там своими силами мост разбирают, и своими силами заново его делают (ж., 39 лет, п. Пертоминск).

Пертоминский ТОС образовался у нас после того, как я пришел сюда на службу. С нами поговорили здесь представители национального парка «Кенозерского» и «Онежского поморья», вот, заинтересовали нас, в общем, да. Объяснили нам, что можно развивать территорию благодаря деятельности вот этих ТОСов. И мы решили попробовать. Но сначала мы решили написать проект без всякого ТОСа, просто привлечь денежки. У нас парк — они нам предложили, это вот на установку стендов возле нашей трибуны. Стенды, посвященные землякам-ветеранам Великой отечественной. У нас получилось, вот. Мы все установили здесь, и все денежки мы реализовали в полном объеме, и грамотно это сделали. И потом вот решили создать ТОС. Тоже проект у нас был создания музея рыбацкой избушки

тони. «Унско рыбосолье» мы назвали ее, вот. Сейчас вот мы написали проекты, закупаем уже материалы для установки детской площадки. Вот, где-то вот должны нам привезти материалы уже все, элементы, да. В этом году поставим. Наверное, до осени, думаю, получится. Вот, поэтому вот тоже начали активно работать здесь. Вроде пока все получается (м., 35 лет, п. Пертоминск).

Несмотря на экономический упадок, местные жители испытывают гордость за историю своих деревень. Для многих из них это стало стимулом для самореализации и организации досуговых учреждений, домов культуры и музеев, в которых некоторые респонденты видят возможности для привлечения туристов (табл. 2).

Таблица 2

Социокультурные проекты сельских жителей

Муниципальное образование	Населенный пункт	Социокультурные проекты сельских жителей
«Островное»	д. Одиночка	Памятный знак «Корабельным вожам». Музей лоцманов
	д. Ластола	Музейная комната «Поморская изба». Музейная комната «Наше советское детство»
	д. Конецдворье	Восстановление Никольской церкви
	с. Вознесенье	Музей космоса. Школьный историко-краеведческий музей
«Талажское»	д. Патракеевка	Музей поморской культуры. Восстановление храма Успения Пресвятой Богородицы
«Пертоминское»	д. Летняя Золотица	Музейная комната истории д. Летняя Золотица
	д. Лопшеньга	Фольклорный коллектив «Лопшенско Дивованье»
	д. Яреньга	Музей «Поморская изба»

Так, инициативные жители с. Вознесенье из числа школьных учителей при грантовой поддержке регионального правительства создали Музей космоса на месте действовавшей в советские годы магнитно-ионосферной обсерватории:

В 1967 г. в с. Вознесенье была построена комплексная магнитно-ионосферная обсерватория с целью изучения околокосмического пространства. 30 лет обсерватория здесь [в с. Вознесенье] работала. В тот период, когда страна становилась космической державой, осваивала космос, обсерватория внесла огромный вклад в развитие космических технологий и освоение космоса. Для работы в обсерватории из Москвы приехали видные ученые. Местные жители приходили сюда на станцию и работали лаборантами, затем получали высшее образование и уже работали инженерами. Работали в основном семьями. В 1996 г. обсерватория была закрыта. Идея создания музея родилась в 2014 г., а 30 июля 2017 г. состоялось его открытие. Музей работает круглогодично, но экскурсии мы организуем по заявкам. Мы также организуем «деревенское угощение»: варим уху, готовим выпечку, чай. Для нас важную роль играет приток туристов (ж., около 60 лет, с. Вознесенье).

Помимо Музея космоса в здании единственной в муниципальном образовании местной школы в 2010 г. был открыт Историко-краеведческий музей, рассказывающий об истории развития школьного образования в с. Вознесенье.

В д. Ластола в 2016 г. инициативные жители открыли Музей советского быта, в котором собраны экспонаты, отражающие жизнь деревни во времена СССР. Среди атрибутов выставочного зала можно увидеть школьные тетради, фильмоскоп, школьную форму и новогодние костюмы, одежду, игрушки советского времени и др. Сегодня деятельность музея поддерживается исключительно за счет туристов:

Начали экспонаты собирать учителя в школе. Просто из наших деревень. Ну вот, например, зеркала, патефоны, медали, письма военные [показывает на экспонаты в музейной комнате]. Я пошла к директору школы и говорю: «Давайте музей сделаем». А она: «Давайте-давайте». Ну мы две энтузиастки все это сделали. А потом стали по домам ходить-спрашивать, потом люди разузнали, дак и сами чего-то приносили. В октябре музею будет 6 лет. ... Финансирования нету никакого! То, что я вожу туристов, и сами приходят еще вот кто узнает, платят деньги. (ж., 47 лет и 73 года, д. Ластола).

В д. Одиночка сельские жители организовали в местном клубе Музей лоцманов, рассказывающий об истории корабельной службы на Русском Севере.

Я заведующая. Раньше была директор, теперь нас всех объединили и теперь я заведующая домом культуры, ну и музеем, и турмаршрутом — всем. Музей у нас — весь Дом культуры, каждое помещение играет какую-то роль. Отработано у нас много уже чего. Практически все занято экспонатами. Самое главное — это то, на чем мы поставили наши музей — это уникальнейшая история, в том плане, что Архангельск был единственным портом России. Белое море — это был единственный выход через Северную Двину в Белое море. И тут, конечно, очень хорошо поработала наша библиотекарь и нужно отметить дальновидность нашего руководства, которое задолго поняло, что мы идем к упадку. На сегодняшний день на 9 деревень всего 320 человек. И уже нам сказали, что надо развивать туризм. Это единственный выход, чтобы спасти дома культуры от закрытия. И так мы стали потихонечку работать. В 2013 г. мы открыли первую комнату в нашем музее. Зданию 119 лет и 11 лет назад оно было в таком состоянии, что его легче было снести, но мы решили его восстановить, потому что единственное здание, которое говорит о деятельности здесь купцов. Потом научились проектной деятельности, проекты писать. На это ушло 11 лет. И вот уже 11 лет я поднимаю на ноги культуру на этом острове. Самое главное, что у нас уже туристы 6-й год и я вожу туристов. Сразу скажу, увеличение потока зависит от того, какую рекламу ты делаешь. Если не рекламируешь, значит тебя забывают. Если не движеешься и не делаешь событийный туризм, гастрономический туризм. Чтобы к тебе второй раз эти же люди пошли, надо чем-то их удивить. Но увеличения как такового нет. Ровно идёт. Где-то 1000 человек в год. Минуса нет. Плюс. Но небольшой плюс, потому что пока на сегодняшний день мы работаем по накатанной. Используем интернет, ну и конечно 80 % — это сарафанное радио. Хорошо отработанный турмаршрут. И хорошие отзывы людей тоже делают свое дело (ж., около 60 лет, д. Одиночка).

В д. Яренга инициативные жители создали музей «Поморская изба», в котором собраны экспонаты, отражающие жизнь поморской деревни начала XX в.:

Собирать вещи для музея я начала случайно. Вот с этого блюда [показывает старинное деревянное блюдо]. Я работала тогда в клубе заведующей здесь и думаю, мало ли для сценки пригодится. Я его положила за сцену на полку. И вот постепенно, то находилось, другое, ведь раньше этого было много, и у меня супруг — любит тоже он вот

это — старину. Мы поначалу нашли на свалке несколько старинных вещей. Вот в клубе я укладывала все на полку, а когда мне отдали вот этот стол, у меня зародилась мысль сделать музей. И вот потом появилась у меня коллекция одежды. Потом люди стали приходить, стала людей приглашать. Сначала это всё было в клубе. Выиграв грант, мы купили ноутбук, я стала выкладывать посты в интернет, меня узнали, ко мне стали очень много ездить людей. Ну вот, и со всей России-матушки едут ко мне и из-за рубежа даже иногда приезжают. Потом я стала сотрудничать с национальным парком, парк стал ко мне возить целенаправленно туристов. И вот все, кто приезжали ко мне туристы, они обычно едут сначала до Лопшеньги, а потом возвращаясь, они заезжают ко мне на прощальный, как говорится, обед. Вот я их кормлю обедом на прощание и провожу с ними экскурсию (ж., 65 лет, д. Яреньга).

Помимо музеев сельские жители активно участвуют в восстановлении и сохранении духовных объектов культуры. Так, в д. Конецдворье инициативные жители следят за состоянием Никольской церкви, которая была основана в 1677 г. в честь Святого Николая Чудотворца. В советские годы церковь была частично разрушена. Восстановление храма началось в 2004 г. благодаря частным пожертвованиям, а сегодня поддерживается самими жителями: «Мы сами по себе. Вот крышу ремонтировали, ондулином покрыли. Вот эти вот доски сгнили, будем зимой перекрывать» (ж., 65 лет, д. Конецдворье).

В д. Патракеевка силами местных жителей практически из руин был восстановлен храм Успения Пресвятой Богородицы:

Сложно сказать, с чего всё и как началось. В первую очередь, наверное, было желание большое. Сначала надо было субботник сделать. Пришло порядочно людей, 28 человек или 32 было. Местные, абсолютно все местные. Люди все лето поработали, потаскали, повыгребали столько грязи! Потом батюшка к нам приехал. Он благословил, мы стали потихоньку денежку собирать, по домам ходить. Кто сколько даст. В основном — свой круг Епархия нам не помогает, район нам не помогает, колхоз нам не помогает. Нам никто вот не помогает. Они только задают вопрос: «Откуда вы деньги берете?» Я говорю: «Мы их добываем потом, кровью и слезами. И молитвой!» Мы постоянно молимся. Практически всем миром, всей деревней. Стало проходить время. Люди стали заходить, смотреть. На праздники заходят, и свечки ставят у нас. Но просто народу уже меньше стало. Мы стали

[церковь] восстанавливать, это еще в деревне жило 350 человек. Это не считая детей, которые там учились в городе. На сегодняшний день — 170 (ж., около 65 лет, д. Патракеевка).

Местные жители активно участвуют также в различных кружках художественной самодеятельности:

В нашем фольклорном коллективе «Лопшинское Дивованье» немало песен, которые записаны только здесь. Не то, чтобы немало, нельзя сказать, что у нас совсем много песен, но есть такие, которые записаны только здесь. Коллективу нашему пять лет, уже шестой пошел. Появился он совершенно случайно. Он возник вот таким вот образом: Кенозерский национальный парк проводит [конкурс] «10 шагов к успеху», и нас пригласили тоже поучаствовать. Мы поехали. Таким образом у нас возникла идея создания фольклорного коллектива... Соответственно, составили бизнес-план, составили все, и стали следовать этому плану. Первое, что мы [сделали] — собрали людей, пригласили тех, кто хочет, рассказали о том, для чего мы ездили, что мы там сделали, предложили вступить в наш коллектив. В коллективе сначала было, может быть, человек 12, осталось восемь. И те, кто остались сразу. Вот наш коллектив и насчитывает восемь человек, никто никуда не ушел (ж., 55 лет, д. Лопшеньга).

Обсуждение результатов исследования

В результате исследования выявлены негативные тенденции социально-экономического развития островных и прибрежных поселений Приморского района Архангельской области. Эти тенденции характерны для большинства сельских регионов Севера России. К ним относятся хозяйственное и социальное сжатие, опустошение и усиление периферийности территорий. Сегодня жизнедеятельность сельского населения рассматриваемых муниципалитетов носит самоподдерживающий характер. Основным источником жизнеобеспечения являются природные ресурсы: земля, лес, озера, море, река. Отличие состоит лишь в том, что на островах приусадебные участки первичны, тогда как на Беломорском побережье основные источники жизнеобеспечения — рыбный промысел и сбор дикоросов.

Мы согласны с мнением некоторых российских ученых, которые занимались изучением жизнедеятельности сельских сообществ Севера России, в частности Ю.М. Плюснина, о том, что неформальные хозяйственные практики домохозяйств, в рамках которых проявляется способ-

ность местных жителей к самообеспечению, самоорганизации и самоуправлению, несут в себе мощный адаптивный потенциал сельских сообществ в новых социально-экономических условиях (Плюснин 2003). Вместе с тем остается открытым вопрос о том, какие есть ресурсы для *развития и модернизации* сельской периферии?

В результате наших исследований мы выяснили, что в 2010-х годах в отдельных деревнях на островах дельты Северной Двины и Беломорском побережье среди сельских жителей появляются люди, которые начинают развивать проекты, связанные с историей, материальной и духовной культурой деревень, местными традициями и обычаями. Благодаря тесному взаимодействию и совместной работе, не только на уровне горизонтальных социальных связей, но и на уровне взаимоотношений с местными органами власти, которые оказывают безвозмездную имущественную и информационную поддержку этим проектам, в деревнях начинают проводиться культурные, просветительские и образовательные мероприятия, развивается туризм, который сегодня рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений экономического развития Приморского района.

Опираясь на идеи П.А. Сорокина (Сорокин 1992) и результаты полевых исследований можно сказать, что социокультурный потенциал рассматриваемых сельских сообществ представляет собой неразрывную триаду индивидуальных (люди), социальных (связи и отношения) и культурных (материальные и нематериальные объекты) ресурсов, которые, выражаясь словами российского ученого В.Л. Каганского, формируют специфический «культурный ландшафт» (Каганский 2011) рассматриваемых территорий и являются основными детерминантами «спонтанного, неторопливого, непоследовательного и во многом странного *саморазвития* этих мест» (Каганский 2013).

Заключение

На протяжении длительного периода жизнедеятельность островных и прибрежных районов Приморского района Архангельской области строилась на использовании природных ресурсов и государственной поддержке села, но, чтобы жить и развиваться в новых экономических условиях, сельским сообществам необходимо искать новые источники роста. Результаты исследования фиксируют появление новых видов деятельности местных жителей, которые направлены на воспроизводство и объективацию истории, культуры, традиций поморских деревень через реализацию социокультурных проектов. Местный историко-культурный контекст в сочетании с инициативностью местных жителей, их знаниями и опытом,

а также институциональная поддержка проектов — это то, что сегодня определяет социокультурный потенциал сельских сообществ, однако его дальнейшее развитие во многом зависит от того, какое будущее ждет российское село.

Благодарности

Настоящая работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках государственного задания № FSRU-2023-004.

Литература

Алексеев Н.А. (2014) Модернизация социально-экономической системы северных регионов России. *Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление*, 4: 11–16.

Алексеев А.И., Сафронов С.Г. (2015) Изменения сельского расселения в России в конце XX — начале XXI в. *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*, 2: 66–76.

Бернштам Т.А. (1978) *Поморы: формирование группы и система хозяйства*. Л.: Наука.

Блок М., Головин Н.А. (2016) Социальный капитал: к обобщению понятия. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 4: 99–111.

Бурдые П. (2002) Формы капитала. *Экономическая социология*, 3(5): 60–74.

Бурдые П. (2007) *Воспроизводство: элементы теории системы образования*. М: Просвещение.

Горшков М.К., Комиссаров С.Н. (2019) Ревальвация культуры и задачи социологии. *Россия реформирующаяся: ежегодник*, 17: 17–47.

Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. (1991) *Центр и периферия в региональном развитии*. М.: Наука.

Давыдов Д. (2015) Теория социального капитала: от социологии к экономике и обратно. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 18(1): 100–109.

Денисенко М.Б., Николаева У.Г. (2015) Что происходит с сельским населением на Ближнем Севере России? *Социологические исследования*, 12: 70–81.

Дрегалю А.А. (2017) *Социокультурная динамика социального пространства Севера*. Архангельск: САФУ.

Дружинин П.В., Курило А.Е., Морошкина М.В. (2022) Развитие муниципалитетов побережья Белого моря. *Проблемы развития территории*, 26(2): 7–22.

Ильин В.И. (2019) Русская деревня как пространство дуального образа жизни: между прошлым и будущим. *Социальное время*, 2(18): 104–113.

Ильин В.И., Покровский Е.Н. (ред.) (2016) *Горожане в деревне. Социологические исследования в российской глубинке: дезурбанизация и сельско-городские сообщества*. М.: Университетская книга.

Каганский В.Л. (2011) Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты. *Международный журнал исследований культуры*, 4(5): 26–40.

Каганский В.Л. (2012) Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России. *Известия РАН. Серия географическая*, 6: 23–34.

Каганский В.Л. (2013) *Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта*. М.: Стрелка пресс.

Калугина З.И., Фадеев П.В. (2010) Новая парадигма сельского развития. *Мир России*, 18(2): 34–49.

Кордонский С.Г., Плюснин Ю.М., Крашенинникова Ю.А., Тукаева А.Р., Моргунова О.М., Ахунов Д.Э., Бойков Д.В. (2011) Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения и попытка описания). *Мир России*, 20(1): 3–33.

Костяев А.И. (2018) Парадигмы и концепции развития сельских территорий. *Российский электронный журнал*, 3: 7–35.

Курило А.Е., Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т., Прокопьев Е.А. (2020) Социально-экономическое развитие прибрежных муниципальных районов Беломорья. *Арктика: экология и экономика*, 2(38): 97–108.

Лапин Н.И. (2011) Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации. *Социологические исследования*, 9: 3–12.

Маркин В.В., Силин А.Н., Малинина К.О. Воспроизводство человеческого капитала в арктических регионах России: социокультурный аспект. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 14(5): 220–243.

Михайлов В.Т., Рунге Й. (2019) Идентификации человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации. *Социологические исследования*, 1: 52–62.

Мкртчян Н.В. (2019) Миграция в сельской местности России: территориальные различия. *Население и экономика*, 1 (3): 39–51.

Москвичев Л.Н. (2012) Знание как социальный феномен: неисчерпаемый источник развития. *Социально-гуманитарные знания*, 4: 273–287.

Найденова Л.И., Федотов Л.Н. (2009) Внеэкономический капитал и его значение для развития регионального социума. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 12(2): 84–95.

Нечипоренко О.В., Шлюкич С. (2014) Социальный капитал локальных сообществ в стратегиях развития сельских территорий: европейский опыт и российская специфика. *Вестник Новосибирского государственного университета*, 12(4): 69–77.

Нефедова Т.Г., Медведев А.А. (2020) Сжатие освоенного пространства в Центральной России: динамика населения и использование земель в сельской местности. *Известия РАН. Серия географическая*, 84 (5): 645–659.

Нефедова Т.Г. (2019) Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России. *Пространственная экономика*, 15(4): 36–56.

Нефедова Т.Г., Старикова А.В. (ред.) (2021) *Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность*. М.: Товарищество научных изданий КМК.

Пилясов А.Н. (2009) *И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания*. М.: Либроком.

Плюснин Ю.М. (2003) *Поморы. Население побережий Белого моря в годы кризиса, 1995–2001*. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 2003.

Плюснин Ю.М. (2022) *Социальная структура провинциального общества*. М.: Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники».

Покровский Н.Е. (2008) Перспективы российского Севера: сельские сообщества. *Мир России*, 4: 111–134.

Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. (2012) Угорский проект — перспективы развития ближнего Севера. *Мониторинг общественного мнения*, 5: 185–196.

Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. (ред.) (2015) *Ойкумена Ближнего Севера России*. М.: Университетская книга.

Попкова А.А. (2019) Социокультурное развитие сельских территорий: ресурсы и инструменты. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*, 12(3): 31–40.

Родоман Б.Б. (2006) Экологическая специализация России в глобализирующемся мире (проект нестандартного решения). *Общественные науки и современность*, 2: 78–89.

Скуфьина Т.П., Серова Н.А. (ред.) (2017) *Регионы Севера и Арктики Российской Федерации: современные тенденции и перспективы развития*. Апатиты: КНЦ РАН.

Сорокин П.А. (1992) *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Политиздат.

Теннис Ф. (2002) *Община и общество. Основные понятия чистой социологии*. М.: Владимир Даль.

Тросби Д. (2013) *Экономика и культура*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Ускова Т.В., Патракова С.С. (2021) Развитие сельских территорий в условиях пространственного сжатия северного региона. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 14 (5): 34–52.

Ушаков Д.В., Костюк В.Г. (2014) Сопряженность социокультурного и цивилизационного подходов в этносоциальных исследованиях. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия*, 12 (4): 47–55.

Фаузер В.В. (2008) Теоретические и концептуальные подходы к развитию Севера России. *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник научно-исследовательского центра корпоративного*

права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета, 4: 90–120.

Шанин Т. (ред.) (2002) *Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России*. М.: МВШСЭН; РОССПЭН.

Шемякин А.С., Датьев И.О. (2014) Связь в Северных регионах Российской Федерации. *Труды Кольского научного центра РАН. Информационные технологии*, 5: 27–40.

Putnam R. (2002) *Bowling alone: the collapse and revival of American community*. N.Y.: Simon & Schuster.

Источники

Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года (2020) *Росстат* [<https://29.rosstat.gov.ru/folder/56873?ysclid=liwxotwzhm661503376>] (дата обращения: 04.03.2023).

Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2035 года (2015) *Правительство России* [<http://static.government.ru/media/files/Fw1kbNXVJxQ.pdf>] (дата обращения: 20.01.2023).

SOCIAL AND CULTURAL CAPITAL OF RURAL COMMUNITIES AT THE RUSSIAN EUROPEAN NORTH: CASE OF ARKHANGELSK REGION

Marina Viktorovna Nenasheva (m.nenasheva@narfu.ru)

Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Citation: Nenasheva M.V. (2023) Sotsiokul'turnyy potentsial sel'skikh rayonov Yevropeyskogo Severa Rossii: primer Arkhangel'skoy oblasti [Social and cultural capital of rural communities at the Russian European North: case of Arkhangelsk Region]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(4): 107–135 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.4.4>. EDN: MQTMZF

Abstract. The article examines the role of social and cultural potential in the development of rural regions of the Russian European North. Social and cultural potential is defined as the ability of representatives of rural local communities to reproduce cultural capital and use it as a resource for the development of territories. The study is based on the results of field work carried out in 2021 and 2022 in the municipalities of Primorsky district of the Arkhangelsk region, located in delta of the Severnaya Dvina River and on the White Sea coast. The work used a social and anthropological approach, thanks to which descriptive and qualitative information was obtained about the local economy, the social structure of the territories under consideration, and the daily life practices of

the local population. The basis of the research methodology was made up of informal in-depth interviews with rural residents, as well as the included observation of the vital activity of the local population. The study revealed negative trends in the socio-economic development of island and coastal settlements of the Primorsky district of the Arkhangelsk region. These include economic and social compression, devastation and strengthening of the periphery of territories. The main sources of livelihood of the local population are household farming and fishing. Against the background of the socio-economic crisis since the 2010s, other phenomena have also arisen: groups of people are formed among local residents who, relying on the history and culture of villages, their own knowledge and experience, initiate and develop original museums, houses of culture, amateur art, contributing to the development of culturally oriented tourism in villages. It is concluded that the socio-cultural potential of the studied communities represents the unity of social, cultural, personal aspects of the life of local communities and is an important resource for self-development of rural areas.

Keywords: rural territories, economy, population, potential, culture, European North.

Acknowledgements

This research work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (the State task project no. FSRU-2023-004).

References

- Alekseev N.A. (2014) Modernizatsiya social'no-ekonomicheskoy sistemy severnykh regionov Rossii [Modernization of the socio-economic system of the northern regions of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.YU.Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of the S.Y. Witte Moscow University. Series 1: Economics and Management], 4: 11–16 (in Russian).
- Alekseev A.I., Safronov S.G. (2015) Izmeneniya sel'skogo rasseleniya v Rossii v konce XX — nachale XXI v. [Changes in rural settlement in Russia in the late XX — early XXI century] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5: Geografiya* [Bulletin of the Moscow University. Ser. 5: Geography], 2: 66–76 (in Russian).
- Bernstam T.A. (1978) *Pomory: Formirovanie gruppy i sistema hozyajstva* [Pomors: The formation of a group and the system of economy]. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Blok M., Golovin N.A. (2016) Social'nyy kapital: k obobshcheniyu ponyatiya [Social capital: to generalize the concept]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology], 4: 99–111 (in Russian).
- Bourdieu P. (2007) *Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya* [Reproduction: elements of the theory of the education system]. Moskva: Prosveshchenie (in Russian).
- Bourdieu P. (2002) Formy kapitala [Forms of capital. Economic Sociology]. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic Sociology], 3(5): 60–74 (in Russian).
- Davydov D. (2015) Teoriya social'nogo kapitala: ot sociologii k ekonomike i obratno [Theory of social Capital: from Sociology to Economics and vice versa]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 18(1): 100–109.

Denisenko M.B., Nikolaeva U.G. (2015) CHto proiskhodit s sel'skim naseleniem na Blizhnem Severe Rossii? [What is happening to the rural population in the Near North of Russia?] *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 12: 70–81 (in Russian).

Dregalo A.A. (2017) *Sociokul'turnaya dinamika social'nogo prostranstva Severa* [Socio-cultural dynamics of the social space of the North]. Arkhangelsk: SAFU (in Russian).

Druzhinin P.V., Kurilo A.E., Moroshkina M.V. (2022) Razvitiye municipalitetov poberezh'ya Belogo moray [Development of municipalities of the White Sea coast]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory Development], 26(2): 7–22.

Fauser V.V. (2008). Teoreticheskie i konceptual'nye podhody k razvitiyu Severa Rossii [Theoretical and conceptual approaches to the development of the North of Russia]. *Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitiye ekonomiki Severa: Vestnik nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Corporate Governance and Innovative Development of the Economy of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University], 4: 90–120 (in Russian).

Gorshkov M.K., Komissarov S.N. (2019) Reval'vaciya kul'tury i zadachi sociologii [Revaluation of culture and the tasks of sociology]. *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik* [Russia reforming: yearbook], 17: 17–47 (in Russian).

Gritsai O.V., Ioffe G.V., Treivish A.I. (1991) *Centr i periferiya v regional'nom razviti* [Center and periphery in regional development]. Moscow: Nauka (in Russian).

Ilyin V.I. (2019) Russkaya derevnya kak prostranstvo dual'nogo obraza zhizni: mezhdru proshlym budushchim [The Russian village as a space of a dual lifestyle: between the past and the future]. *Social'noe vremya* [Social Time], 2(18): 104–113 (in Russian).

Ilyin V.I., Pokrovsky E.N. (eds.) (2016) *Gorozhane v derevne. Sociologicheskie issledovaniya v rossijskoj glubinke: dezurbanizatsiya i sel'sko-gorodskie soobshchestva* [Townpeople in the village. Sociological research in the Russian Hinterland: De-urbanization and rural-urban communities]. Moscow: Universitetskaya kniga (in Russian).

Kaganskiy V.L. (2011) Issledovanie rossijskogo kul'turnogo landshafta kak celogo i nekotorye ego rezul'taty [A study of the Russian cultural landscape as a whole and some of its results]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Studies], 4(5): 26–40 (in Russian).

Kaganskiy V.L. (2012) Vnutrennyaya periferiya — novaya rastushchaya zona kul'turnogo landshafta Rossii [The Inner Periphery is a new growing zone of the cultural landscape of Russia]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [News of the Russian Academy of Sciences. Geographical series], 6: 23–34 (in Russian).

Kaganskiy V.L. (2013) *Kak ustroena Rossiya? Portret kul'turnogo landshafta* [How is Russia organized? Portrait of a cultural landscape]. Moscow: Strelka Press (in Russian).

Kalugina Z.I., Fadeev P.V. (2010) Novaya paradigma sel'skogo razvitiya [A new paradigm of rural development]. *Mir Rossii* [The World of Russia], 18(2): 34–49 (in Russian).

Kordonitskiy S.G., Plyusnin Y.M., Krashenninnikova Y.A., Tukaeva A.R., Morgunova O.M., Ahunov D.E., Bojkov D.V. (2011) Rossijskaya provinciya i ee obitateli (opyt

nablyudeniya i popytka opisaniya) [The Russian province and its inhabitants (observation experience and attempt to describe)]. *Mir Rossii* [The World of Russia], 20(1): 3–33 (in Russian).

Kostyaev A.I. (2018) Paradigmy i koncepcii razvitiya sel'skikh territorij. [Paradigms and concepts of rural development]. *Rossijskij elektronnyj zhurnal* [Russian Electronic Journal], 3: 7–35 (in Russian).

Kurilo A.E., Druzhinin P.V., Shkiperova G.T., Prokopyev E.A. (2020) Social'no-ekonomicheskoe razvitie pribrezhnykh municipal'nykh rajonov Belomor'ya [Socio-economic development of coastal municipal districts of the White Sea]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economics], 2(38): 97–108 (in Russian).

Lapin N.I. (2011) Sociokul'turnye faktory rossijskoj stagnacii i modernizacii [Socio-cultural factors of Russian stagnation and modernization]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 9: 3–12 (in Russian).

Markin V.V., Silin A.N., Malinina K.O. Vosproizvodstvo chelovecheskogo kapitala v arkticheskikh regionah Rossii: sociokul'turnyj aspekt [Reproduction of human capital in the Arctic regions of Russia: socio-cultural aspect]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: facts, trends, forecast], 14(5): 220–243 (in Russian).

Mikhailov V.T., Runge Y. (2019) Identifikacii cheloveka. Territorial'nye obshchnosti i social'noe prostranstvo: opyt konceptualizacii [Human identification. Territorial communities and social space: the experience of conceptualization]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 1: 52–62 (in Russian).

Mkrtychyan N.V. (2019) Migraciya v sel'skoj mestnosti Rossii: territorial'nye razlichiya [Migration in rural areas of Russia: Territorial differences]. *Naselenie i ekonomika* [Population and Economy], 1(3): 39–51 (in Russian).

Moskvichev L.N. (2012) Znanie kak social'nyj fenomen: neischerpaemyj istochnik razvitiya [Knowledge as a social phenomenon: an inexhaustible source of development]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 4: 273–287 (in Russian).

Naidenova L.I., Fedotov L.N. (2009) Vneekonomicheskij kapital i ego znachenie dlya razvitiya regional'nogo sociuma [Non-economic capital and its importance for the development of regional society]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 12(2): 84–95 (in Russian).

Nechiporenko O.V., Shlyukich S. (2014) Social'nyj kapital lokal'nykh soobshchestv v strategiyah razvitiya sel'skikh territorij: evropejskij opyt i rossijskaya specifika [Social capital of local communities in rural development strategies: European experience and Russian specifics]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk State University], 12(4): 69–77 (in Russian).

Nefedova T.G., Medvedev A.A. (2020) Szhatie osvoennogo prostranstva v Central'noj Rossii: dinamika naseleniya i ispol'zovanie zemel' v sel'skoj mestnosti [Compression of the developed space in Central Russia: population dynamics and land use in rural areas]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [News of the Russian Academy of Sciences. Geographical series], 84(5): 645–659 (in Russian).

Nefedova T.G. (2019) Razvitie postsovet'skogo agrarnogo sektora i polyarizacii sel'skogo prostranstva evropejskoj chasti Rossii [The development of the post-Soviet

agricultural sector and the polarization of the rural space of the European part of Russia]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Space Economics], 15(4): 36–56 (in Russian).

Nefedova T.G., Starikova A.V. (eds.) (2021) *Staroosvoennye rajony v prostranstve Rossii: istoriya i sovremennost'* [Old-developed areas in the space of Russia: history and modernity]. Moscow: Tovarishestvo nauchnyh izdaniy KMK (in Russian).

Pilyasov A.N. (2009) *I poslednie stanut pervymi: Severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya* [And the last will be the first: The Northern Periphery on the way to the economy of knowledge]. Moscow: Librocom (in Russian).

Plyusnin Y.M. (2003) *Pomory. Naselenie poberezhij Belogo morya v gody krizisa, 1995–2001* [Pomors. The population of the White Sea coasts during the crisis, 1995–2001]. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta (in Russian).

Plyusnin Y.M. (2022) *Social'naya struktura provincial'nogo obshchestva* [The social structure of provincial society]. Moskva: Common Place; Fond social'nyh issledovanij «Khamovniki» (in Russian).

Pokrovsky N.E. (2008) Perspektivy rossijskogo Severa: sel'skie soobshchestva [Prospects of the Russian North: rural communities]. *Mir Rossii* [The World of Russia], 4: 111–134 (in Russian).

Pokrovsky N.E., T.G. Nefedova T.G. (2012) Ugorskij proekt — perspektivy razvitiya blizhnego Severa [The Ugric project — prospects for the development of the Near North]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Opinion Monitoring], 5: 185–196 (in Russian).

Pokrovsky N.E., Nefedova T.G. (eds.) (2015) *Ojkumena Blizhnego Severa Rossii* [The Oikumene of the Near North of Russia]. Moscow: Universitetskaya kniga (in Russian).

Popkova A.A. (2019) Sociokul'turnoe razvitie sel'skih territorij: resursy i instrumenty [Socio-cultural development of rural areas: resources and tools]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologiya. Ekonomika. Politika* [News of higher educational institutions. Sociology. Economy. Politics], 12(3): 31–40 (in Russian).

Putnam R. (2002) *Bowling alone: the collapse and revival of American community*. New York: Simon & Schuster.

Rodoman B.B. (2006) Ekologicheskaya specializaciya Rossii v globaliziruyushchemsya mire (proekt nestandartnogo resheniya) [Ecological specialization of Russia in the globalizing world (non-standard solution project)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2: 78–89 (in Russian).

Shanin T. (ed.) (2002) *Reflexive Peasant Studies: A Decade of Research in Rural Russia* [Reflexive Peasant Studies: A Decade of Research in Rural Russia]. Moscow: MVSSSEN; ROSSPEN (in Russian).

Shemyakin A.S., Datyev I.O. (2014) Svyaz' v Severnyh regionah Rossijskoj Federacii [Communication in the Northern regions of the Russian Federation]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Information Technology], 5: 27–40 (in Russian).

Skufina T.P., Serova N.A. (eds.) (2017) *Regiony Severa i Arktiki Rossijskoj Federacii: sovremennye tendencii i perspektivy razvitiya* [The regions of the North and the Arctic of the Russian Federation: current trends and development prospects]. Apatity: KNC RAN (in Russian).

Sorokin P.A. (1992) *Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat (in Russian).

Tennis F. (2002) *Obshchina i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoj sociologii* [Community and society. The basic concepts of pure sociology]. Moscow: Vladimir Dal' (in Russian).

Throsby D. (2013) *Ekonomika i kul'tura* [Economics and Culture]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics (in Russian).

Uskova T.V., Patrakova S.S. (2021) Razvitie sel'skih territorij v usloviyah prostranstvennogo szhatiya severnogo regiona [Development of rural territories in the conditions of spatial compression of the northern region]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: facts, trends, forecast], 14(5): 34–52 (in Russian).

Ushakov D.V., Kostyuk V.G. (2014) Sopryazhennost' sociokul'turnogo i civilizatsionnogo podhodov v etnosocial'nyh issledovaniyah [The conjugacy of socio-cultural and civilizational approaches in ethnosocial research]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy], 12(4): 47–55 (in Russian).